

Валерий Киселёв
Кумзёра

Валерий Киселёв

Кумзёра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39439041

ISBN 9785449383211

Аннотация

Русский Север, Вологодчина... Старинное поселение – Кумзеро. Судьбы русских крестьян 20-го века. Как сохранить традиции деревенской жизни – об этом рассказывается в книге.

Содержание

Кумзёра	5
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Кумзёра

Валерий Киселёв

© Валерий Киселёв, 2019

ISBN 978-5-4493-8321-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кумзёра

Судьбы северной русской деревни

Русский Север, Вологодчина... Старинное поселение – Кумзеро. Судьбы русских крестьян 20-го века. Как сохранить традиции деревенской жизни – об этом рассказывается в книге.

«...Вот придет время, жить будет добро,
а жить будет некому»
Василий Белов, «Привычное дело»

Почему это, когда в будний день проходишь мимо нашей бани, то не замечаешь её, да и стоит она – чёрная, холодная, а в субботу с самого утра нет-нет и выглянешь в окошко – посветлела даже, и словно ждёт, чтоб ее скорее затопили. И почему это печной дым на улице не пахнет, а как потянет дымком с соседних бань, что раньше затопили, то запах – особенный какой-то, тёплый, вкусный, субботний.

Баня

Баня у нас старенькая, рубил ее дядька мой по отцу, Сергей, тракторист – леспромхозник. Мужик он был длинный, сухой, рыжий, нос – рубильником. Метко ему ответила Зоя, жена Федора, двоюродного брата отца: «А уж у тебя так одно костьё», когда он как-то оценил ее комплекцию. Зоя – баба здоровая, весом пудиков этак на восемь.

Этим летом баню, дошли руки – вывешивали. Заменяли с грехом пополам восемь сгнивших бревен, а возились – целую неделю. Столько было кряхтения, сморканья, матюгов, когда эти бревна подводили, что по затраченным усилиям вполне можно было новую баню срубить. А уж щепок-то вокруг нее, поленьев, топоров – приносили их пять, а то и дело,

как понадобится, слышно: «Да где и топор-то, елки-зеленые, только что в руках держал». Окурков же – как на автобусной остановке у вокзала в большом городе.

Да, далась нам эта баня... Когда закончили, не верилось, что наконец-то все. Делали мы ее втроем: отец, дядя Сивиря (муж тёти Лины, сестры моей матери), да я. От меня, впрочем, толку было немного. Хотя в стройотряде и плотничал, но тут спецы получше меня, да и советы мои в расчет не принимались, хватало советчиков. То и дело приходил Александр Петрович Перов, наш, деревенский, не старик еще, но уже и не мужик, да с протезом. Так он с Азлы родом, но давно уже считается местным жителем. Плотник он был знатный, не один десяток домов по Кумзеру обшит его руками, да и наш тоже, а сейчас может только советы давать. Для него это и занятие, и удовольствие – посидеть с мужиками. Где еще покажешь свою квалификацию, не перед хозяйкой же. Сыпят плотницкими терминами, раз по десять бревно смерят. Часто приходится подрубать каждое бревно и убирать его – то в лузгах тесно – подрубят, то коровка велика, то паз забудут вырубить. А потом бревно вообще кривое окажется – щель такая в стене, что лапоть войдет. Сидят, курят, пока не вспомнят, что «не клин бы да не мох, так и плотник бы сдох».

Поставили баню на два домкрата, показалось – стоит криво. Дядя Сивиря начал барсиком (топор в чурбаке) подбивать клин в клетку, баня и вообще на бок свалилась. Пока

поставили ее на место – день и прошел. И так целую неделю, а уж предложений, как и какое бревно подводить, было будто в конструкторском бюро у юных инженеров.

И все-таки баня поставлена, щепки вокруг нее собраны и пошли на растопку, наконец-то можно идти париться. В городе в баню никогда не хожу, не то, а здесь, в деревне, топил бы ее каждый день. Пока жили дед да бабушка, то у них это был целый ритуал: дед топил, бабушка скутывает. Воды наносить была уж, конечно, моя забота.

Наш старый дом...

В баню ходил всегда вместе с дедом. Она у нас под горой, недалеко от дома. Я сбегу быстро босиком, сяду на лавочке – любил смотреть, как дед с горы спускается – с веником под мышкой, чистой рубахой, чинно, медленно. Да ведь

с деревянной ногой и не побежишь. Веник распарить, первый ковш на каменку плеснуть – это была его обязанность, я сижу на полке, жду жара. Не помню, чтобы дед парился в старости, он любил только банный дух, скажет свое «угу» довольно и сидит на лавке, еле заметно улыбаясь. А в молодости он в баню в шапке ходил, чтобы уши не жгло, и, напарившись – в снег падал. Мне, бывает, невтерпеж от жара станет – убегу в предбанник, а ему хоть бы что, знай свое «угу», это хорошо, значит.

И вот баня без деда...

Больше всего я люблю, в общем-то, не сам банный ритуал – жару переносу с трудом, а люблю, напарившись, в предбаннике стоять – чтоб по телу ручьи. И идти домой из бани. Медленно, пока в горку поднимешься, не один раз по сторонам оглянешься: до чего же хорошо вокруг, да и все до травинки родное. А тихо – слышны одни кузнечики. Идешь, и не только тело, но и душа кажется промытой.

Дед всегда немного полежит после бани, потом скажет: «Чай пить станем». Трезвый он был неразговорчивый, говорил коротко и по делу: «Обедать станем», «баню станем топить».

Самовар на столе, дед опять свое «угу», добро, значит. Для него в субботу баней удовольствие не заканчивалось. Первую стопку выпивал, вторую выливал в чай. Я как-то попробовал – горечь горячая, а ему – «добро», «угу». Лицо станет умиротворенное, бабушка скажет: «Как меду наелся».

Третью выпьет: – «Вот теперь все хорошо, все в порядке». Обязательно так именно и скажет, хотя какой вроде бы был до этого беспорядок...

По субботам самовара нам на троих обычно только что хватало. Разве в городе выпьешь десять чашек, а в деревне после бани это само собой. Бабушка у нас бала чаевница редкая, и платок, бывало, скинет, и катаники, так разжарит. Любила рассказывать одну и ту же историю, как она была в гостях у сватьи среднего сына: так распилась, что забыла, где и есть, будто дома.

– Пей, сватья, пей и тринадцатую, я не считаю, – сватья ей говорит, а бабушка пересказывала это с непередаваемой интонацией – вот, мол, воды пожалела, чашки считает.

На столе черника, морошка, земляника, варенья всех северных ягод, пироги – налитухи, насыпушки, луковик, рыбник, конечно. И обязательно рогатушки – это такой блин из ячневой муки, сочень. Загибают его по краям, а сверху

начинка – пшено либо картошка, в этом случае рогатушки бабушка называла «яблашными». И картошка в них действительно получается вкуснее яблок. Этих рогатушек, горячих, съесть я мог до пяти штук зараз. Как-то спрашиваю бабушку: «А дед-то у нас любит рогатушки?» – «Что ты, готов обжестись». А я, глупый, ел их одну за другой прямо из печи, забывая про деда. Ему одному бабушка их не пекла, только гостям. К чаю бывала и треска, покупная, вымоченная в кипятке, иначе и в рот не вломишь – живая соль. Последние годы ее что-то совсем не стало, один хек в магазине, а я еще помню и ряпушку соленую – неудивительно после трески да ряпушки десять чашек чая выпить. У деда любимой рыбой была снеток, но это «в прежнее время». Я ее так ни разу и не попробовал, а, бывало, прапрадед мой, Евграф Иванович, возами ее возил с озера Воже, это в середине прошлого века. Только не потому, наверное, сейчас снетка нет, что прадеды наши весь его съели – рыбка эта могла жить только в чистой воде.

Любили дед с бабушкой чай пить и в окошко поглядывать. Кто ни пройдет улицей, обязательно дед скажет:

– Феклиска вроде идет.

– Да какая это Феклиска, Афонаска прошла, – скажет бабушка. – В магазин на Пашинскую.

– Нет, не Афонаска, а Гранька Спирова.

Если пройдет кто-то из дальней деревни или гости к кому-нибудь с чемоданами, то тут уж спор обязательно.

– Да то Филанида, с Дору бывала, еще в Марковскую выхаживала за Киню Ухова.

– Повно ты, да она за ним и не бывала, это сестра ее, Аг-нея, за ним бывала.

– Да что я, не знаю? – рассердится дед.

Память у него была хуже, чем у бабушки. Та знала не только всех ровесниц во всех деревнях, а в Кумзере их у нас, слава Богу, целых пятьдесят, но и у кого сколько детей, кого как зовут, кто на ком женат, кто с кем и когда гуливал. Иной раз распорят и серьезно, хотя повод-то, кто прошел дорогой – Марья с Балуковской или Дарья с Глазихи.

Напившись чаю, идем с дедом на крыльцо покурить. Не признавал он ни сигарет, ни папирос, только махорку, да и бумагу к ней не каждой газеты. «Правду» и «Призыв» районный считал неподходящими. А вот «Красный Север», областную газету, в самый раз. У других газет, говорил, бумага горькая. Хотя наверняка печатались они все в одной типографии и на одной бумаге. Вот на крыльце-то или на лавочке перед домом после трех стопок и станет дед поразговорчивей, да и то, если ему задавать вопросы. Все «прежнее» у него, конечно, лучше настоящего, и качественнее и надежнее.

– Раньше чай был фабрики Высоцкого, табак Дунаевский, а спички Лапшина, – или скажет: – При царе при Николашке ели белые олажки, а теперича совет, ничего у нас и нет.

Это в шутку, понятно, хотя и злая частушка. Впрочем,

в начале колхозной жизни звучала она правдой. Кого-то еще посадили в деревне за эту частушку. Из нашей деревни одного мужика посадили только за то, что пьяный сказал с глупой гордостью: «Мы теперь – сэсэряне!» Дескать, сейчас не Россия, а СССР, и не русские мы, а «сэсэряне». Хотя вряд ли мужики в деревнях ощущали себя перед революцией именно русскими. Дед рассказывал, что когда стали брать мужиков на германскую войну, писарь в Кадникове спрашивал: «Какой национальности?» – «Чего? Национальности? Кумзёра мы...» «Это что еще за нация такая?» – удивлялся писарь.

Из воспоминаний Михаила Васильевича Михеева:

«Я родился в деревне Лысовской в 1896 году, в семье крестьянина-середняка. Мой дед по матери и отец занимались в деревне домашним сельским хозяйством. Кроме того, дед имел кузницу, в которой проработал около 50 лет. Кузнечному ремеслу он обучил и моего отца. Это для отца был подсобный заработок, кроме сельского хозяйства. Семья наша была дружной, трудолюбивой. Отец очень уважал моего деда. Бабушка моя умерла, когда мне был только один год. А деда я запомнил. Когда он умер, мне было около пяти лет. При жизни деда сохранились в моей памяти три случая.

Во время летних работ все уходило на работу в поле, а дедушка оставался мне вместо няни. У меня была игрушечная детская гармошка. Я играл, пиликал, а дед пел длинные старинные песни. В этот момент в избу вошла мать, и я подме-

тил, что дед смутился. Он сказал: «Надежда, я так Мишутку тешу...»

По воскресеньям дедушка ходил к церкви к обедне, а я в эти дни любил встречать деда, т.к. знал, что он принесет мне гостинцев. Особенно мне было интересно одевать на шею связку баранок, дед в это время меня гладил по головке. У меня были очень длинные волосы, мягкие и белые, как лен. Все другие ребяташки были коротко острижены, а дед не хотел этого, но я попросил отца, он и остриг мне волосы, пока дедушки не было дома. Когда я побежал встречать идущего домой деда, он посмотрел на меня, подал мне баранки, нахмурился, но по головке не погладил и молча пошел домой. Дома сел на лавку, даже не снял картуза, посмотрел на отца и сказал: «Эх, довели вы парнишечку...», разделся и лег на лежанку. Не пошел пить чай, хотя его звали несколько раз.

И вот дед в гробу... Седые волосы и борода. Мать плачет у гроба. Меня одели в новую дубленую шубу с оборами. На дровни поставили гроб, меня посадили на его крышку, подали вожжи, и я правил лошадыю. Отец, мать и соседи тихо шли позади. Вот так своего любимого деда я и отправил на вечный покой.

Через год после смерти дедушки мать родила сестрѐнку, и мне пришлось быть няней. С шестилетнего возраста пришлось нянчиться с маленькой сестренкой. Особенно обидно это было летом. Все ребяташки гурьбой побегут купаться

на озеро, а я разве могу за ними угнаться, когда на руках сестренка... Спуск к озеру очень крутой, и не один раз с сестренкой я кубарем катился через голову. Немало тут было слез у обоих.

Досаднее всего было, когда мать летом давала задание на день пахтать сметану. Один раз большую крынку сметаны мешал, мешал, только жиже становится, никак не сбивается. Что было делать? Вот и решил: всю эту сметану вылил в грязное ведро, из которого пойло дают корове, а сам с сестрой – на улицу.

Приходит мать с покоса и спрашивает: «Миша, смешал сметану?» – «Мешал, но не смешается» – «А где она?» – «Я её в ведро вылил». Посмотрела мать на мою работу и печально проговорила: «Эх, горе-работничек, помог, нечего сказать. Придется, видимо, делать самой» Я не понял упрека матери, а только подумал: «Вот хорошо, что больше не придется сметану мешать».

Отец мой очень любил читать книги, и выписывал газету «Сельский вестник» с приложениями. Всегда слушал, что читает отец и меня очень интересовало, как бы узнать буквы. Я как-то спросил отца: «Тятя, почему ты узнаешь слова?» Отец ответил: «По буквам» – «Вот бы мне узнать эти буквы» – «Погоди, узнаешь», – сказал отец, – «Я скоро буду тебя учить буквы, а потом и читать станешь».

Мне казалось просто непостижимым, что черные крючки, кружочки на бумаге будут говорить. Цифры печатные я уже

знал по листочкам отрывного календаря, а счет знал до ста. Этому меня научила мать, а учить буквам не могла, т.к. сама не знала ни одной.

Но вот настал долгожданный день. Отец на ярмарке у книготорговца купил «Азбуку» с картинками и подарил мне. Сколько было радости, восторгов, что это моя книга, по ней буду учиться читать.

На первой странице были слова – ау, уа, ах. Я это запомнил очень быстро, а вот дальше стал путаться в буквах, т.к. мой учитель, тятя, так быстро называл мне буквы, что моя шестилетняя память не успевала закрепить. Тогда отец почти у каждой буквы нарисовал рисунки, например, И – игла, П – пила, Ш – шар и т. д. Это мне очень помогло запомнить все буквы, и читать я стал целыми словами. Мой отец оказался хорошим учителем, т.к. через полгода я уже читал из «Азбуки» сказки, а слушателем была моя сестренка, которая еще ничего не понимала. Я старался читать быстро, как читает мой отец, при этом половину слов перевирал безбожно, знал, что она все равно не поймет. Но когда слушал отец, я читал по-иному, он требовал читать слова правильно.

Прошел еще год, но другой книги мне больше отец не покупал, а сказал: «Не торопись, Михайло, осенью пойдешь в школу, там тебя будут учить по разным книгам, многое узнаешь». Эти слова очень заинтересовали меня, я с нетерпением ждал, когда же пошлют в школу.

И вот этот счастливый день для меня настал.

Мать надела на меня новую рубашку, брюки, пиджак, а главное – у меня была хорошая кожаная сумочка с замочком, хотя в сумке для первого дня был только кусок пирога. В школу меня никто не провожал, т.к. до этого дня отец водил меня к учительнице, которая и записала меня в число учеников.

Со мной вместе пошел в школу из нашей деревни Шурка. Учительница очень вежливо нас встретила, сказала, что звать её Людмила Викторовна и указала садиться за 4-местную парту. Когда мы с Шуркой сели, я тихонько сказал: «Шурка, этот стол-то, похоже, как у бабушки был гроб, только тот был белый» Шурка ничего не ответил, замолчал и я, т.к. все сидели очень тихо, хотя в классе было около 40 человек.

Вскоре пришел поп, одел ризу, взял чашку с водой и серебряный крест. Отслужили молебен, каждого ученика он покрестил святой водой и дал поцеловать крест. Вот так и началось мое учение после науки отца.

В классе из 40 человек девочек учились только 5, которые были из семей торговцев и зажиточных крестьян. В то время девочек в школу не отпускали, заставляли прясть лен и куделю, да и так рассуждали: «Для чего девкам наука, топить печь да обрывать скотину и неграмотные могут». Кроме того, из мальчиков в школу ходили меньше половины. Тогда на 52 деревни были только две школы: одна земская, другая церковно-приходская с трёхлетним сроком обучения.

В 1900 году была открыта двухклассная школа, но учеников в первый год было только 12, из них две девочки. Не проучившись и года, они отсеялись. Главными предметами были русский язык, арифметика и закон божий, которому учил поп. Горе было тому ученику, который плохо знал закон божий. Половина учебного времени для подготовки к урокам уходило на закон божий. Во время весеннего поста в среду и пятницу надо было всем учащимся простаивать церковную службу, два часа, это было много хуже уроков.

Учение мне давалось легко, я все годы учебы был в числе лучших учеников. Библиотеки и клуба тогда не было. Книжку для чтения можно было получить только в школе, но книг было мало, и большинство религиозные. Особенно любил читать книги о приключениях и путешествиях. Вот за эти путешествия и сам попал в приключение от попа. На уроке закона божьего поп по церковно-славянскому тексту заставлял учеников по очереди читать Евангелие, а я в это время под партой раскрыл книгу «Путешествие капитана Гаттераса на Северный полюс», и так увлекся, что не заметил, как ко мне подошел поп. Да и разве заметишь, если я был на полюсе. Поп в это время так меня стукнул по голове книгой, что я скатился и с полюса. Потом он вырвал из моих рук книгу и швырнул в угол так, что и корочки от книги отлетели. Я заплакал не от боли, что поп дал затрещину, мне было жаль книги. Я не выдержал и сказал: «Батюшка, Людмила Викторовна нас учила беречь книги, а вы её порвали. Как же я

эту книгу сдавать буду?» Поп рывкнул: «Поговори ещё, так на колени поставлю!» Я замолчал, а в душе злился на попа за испорченную книгу. С той поры я возненавидел попа, хотя и ему урок готовил хорошо, чтобы не набил снова. Учеников, которые плохо отвечали, поп бил кулаком в спину, в одной рубашке выгонял зимой в коридор, ставил на колени. За это мы попа очень не любили. Много поп линейек обломал об наши головушки... В то время в школе применялись различные наказания: ставили на колени, в угол, выгоняли из класса, а поп даже тряс за уши. Однажды весной поп пришел в школу, а рясу снял в коридоре, остался в одном подряснике и зашел в квартиру учительницы. Мы, пользуясь этим, принесли большую лягушку и положили её в глубокий карман рясы. Поп ушел с урока, не заметив нашей проказы, даже и на следующем уроке ничего не сказал об этом. Видимо, ему было стыдно сознаться, что в карман рясы прыгнула лягушка.

Дисциплина на уроках была строгая. Если кто повернет голову назад, уже грозило наказание. Учебники были казенные, за порчу книг тоже строго наказывали, небрежным ученикам давали потрепанные книги. Тетради, перья и карандаши давали на определенный срок, а для уроков арифметики пользовались грифельными досками, но они часто ломались, и приходилось покупать на свои деньги.

Незаметно прошли три года. К экзаменам нас осталось только 15 учеников, а 25 за эти годы отсеялись. Некоторые

перестали ходить в школу по домашним обстоятельствам, а других исключили как неуспевающих.

На экзамене были поп, уездный наблюдатель, тоже поп, и учительница. Вопросы задавал наблюдатель. Пять учеников сдали экзамен с похвальным листом, в том числе и я.

В том же году на мое счастье в волости открыли двухклассное училище, таким образом, мне представилась возможность учиться еще два года. В число желающих учиться дальше нас после школы-трехлетки из трех волостей поступили только 18 человек. Это были дети наиболее зажиточных крестьян или торговцев.

Вторая учительница, Александра Петровна, была прекрасным педагогом. Очень большой круг знаний она нам дала, даже сверх программы. На уроках нас не била линейкой только Александра Петровна Попова, прекрасной души была человек.

Но опять нашим мучителем был поп. Он нас учил Катехизису – это книга о православной вере, написанная на старославянском языке. Книга состояла из вопросов и ответов, с подтверждениями текстов из священного писания, которые нужно был знать наизусть. Например, так. Вопрос: «Где в священном писании сказано, что Бог везде?» Ответ: «В послании апостола Павла сказано: «Камо пойду от духа и от лица твоего, аще взыду на небо тамо еси, аще войду во ад тамо еси» и т. д. Вот из такой тарабарщины была книга из 180 страниц, изволь выучить ее наизусть. И учили, ина-

че поп не допустил бы до экзаменов. Эта зубрежка старославянского текста отнимала у нас больше половины всего времени при подготовке уроков.

Двухклассное училище я также закончил с похвальным листом. У меня было сильное желание учиться дальше. Учительница Александра Петровна выхлопотала мне право учиться за казенный счет в училище, дающее право по окончании его звание учителя грамоты, т.е. младшего учителя, но отец, и особенно мать, ни за что не захотели меня отпускать. В семье нужен помощник, т.к. мне было уже 13 лет, а в крестьянстве рабочие руки очень нужны.

Много у меня, было пролито слез, когда отец мне категорически сказал: «Живи, Михайло, дома, у нас неплохое хозяйство, будешь хорошим хозяином, а учиться больше не отпущу, надо работать дома». Уговоры мои и слёзы были напрасны, особенно против моего отъезда была мать. Я даже, по примеру Ломоносова, хотел тайком убежать из дома, но стало жаль отца и мать, так и не решился уходить.

Вот так прошли мои годы учения, но мечты о дальнейшем учении все же не покидали меня. Этот жизненный трудовой путь мужика страшил меня. Я видел, как мой отец, мать и все соседи не знали никакой отрады, кроме тяжелого труда, и это же ожидало и меня.

Крестьяне жили очень грязно. Так, в нашей деревне у Егора и Прасковьи Ключиных в домах у печей не было кожухов, дым шел в дыру, проделанную в стене у печи, как в черной

бане. Кроватей не было, спали все на полу, в лучшем случае на полатах. Не было даже понятия о простынях, занавесках на окна. Редко можно было встретить избу со стенами оклеенными обоями. Я видел, что труд и жизнь учителя во много раз лучше жизни крестьянина. Меня даже тогда удивляло, что учительница в среду и пятницу (раньше это были постные дни), кушала мясо и молоко, часто пекла белые лепешки, когда у нас в семье в посты (их было 16 недель) и по средам и пятницам нам даже снятого молока не давали, считалось грехом. А белые пироги пекли раз 5—6 в год, только по большим праздникам. Одевались крестьяне тогда плохо, летом женщины носили лапти из бересты, а моя мать и зимой ходила по снегу в лаптях. Шёлковое платье у девушки если и было, то одевалось один раз в год, на Троицу. Валенки с галошами носили только богатые парни, в праздники, а часы карманные редко у кого были, о наручных часах и понятия не имели.

Все это мне было грустно думать и переживать. Но для меня была одна радость — книги. Я прочитал все книги, какие были в школьных библиотеках, а там были даже книги русских писателей-классиков. Но этого было мало, я брал книги у торговцев, у попа и крестьян, которые имели книги.

Итак, с 13 лет я вынужден был впрягаться в тяжелую крестьянскую работу, кроме того помогать работать отцу в кузнице молотобойцем. Зимой из лесу возил дрова, сено, а всего надо было много. Дрова, кроме отопления дома, надо бы-

ло заготовить для выжига угля, а сена требовалось возов 50—60, т.к. держали двух лошадей, трех коров и штук 15 овец. Весь этот уход за скотом выполняла одна моя мать, т.к. зимой никаких подсобных работ отец не брал. Бедная мать, сколько тысяч ведер воды она перетаскала своими руками, чтобы обеспечивать хозяйство водой...

Постепенно я стал привыкать работать в кузнице, мне нравилось смотреть, как плавится железо и потом под ударом молота на наковальне сваривались два куска железа. Научился наваривать сохи, отрезы. Это грубая работа, но все же требовала сноровки и умения. Выписал я книгу «Кузнечное дело». Эта книга вызвала у меня спор с отцом. Отец при ковке лошадей поджигал горячей подковой копыто, чтоб крепко держалась подкова. Я категорически протестовал против этого, что и в книжке указывалось. Отец сердито сказал: «Много стал знать, подковывай тогда сам, а я буду только готовить подковы». — «Ну что же, — ответил я — давай попробую». Но первый мой опыт был очень неудачным, т.к. моя Рыжуха после моейковки пошла и захромала. Отец поднял у лошади больную ногу, вытащил обратно далеко забитый в копыто гвоздь, снова забил и, конечно, всё теперь было в порядке».

Как мой отец вспоминал о своем детстве: «Так бы я сейчас и промчался на санках с горы с горящим лаптем в сторону огромного костра, а фактически в темноту, зажмурив глаза,

в вихри снежные. Чудно! С этим и только с этим связаны мои детские воспоминания. Целый день на горе, на санках, в снегу, руки посинели. И вот со слезами на глазах возвращаешься домой, а сам не можешь снять рукавицы. Заботливая мать с теплым урчанием и руганью снимает пиджак, шапку и валенки, достает ковшик воды из кадлушки, и ты опускаешь туда свои холодные посиневшие руки. На глазах слезы, зубы стучат, руки страшно болят, но прошло 10—15 минут, и ты согрет и, как ни в чем ни бывало, сидишь на лежанке и дразнишь кошку».

Из воспоминаний Евстафия Ивановича Бухманова:

– Я родился в деревне Семеновской. У меня было обычное для предвоенного времени детство... Мой отец Иван служил в армии – сначала в царской, потом в Красной – 11 лет... Хорошо помню всех своих односельчан. У известного на все Кумзеро нашего деревенского кузнеца Фёдора Евграфовича Киселева было трое сыновей – Иван, Александр и Сивирьян, две сестры и брат Григорий, хороший печник. В войну погиб его сын Александр. У Евграфа Киселева была дочь Пелагея, замуж не выходила, и брат Илья. У Ильи сыновья – Андрей и Павел, у Павла сын Трифон, конюх, у него две дочери. Хорошо помню Петра Максимовича Гусева, – его могила у церкви была. Его сын Александр умер от ран после японской войны.

Помню, как раскулачивали в начале тридцатых годов...

У нас в деревне раскулачивать хотели Ивана Киселева, старшего сына кузнеца Фёдора, но Фёдор сказал: «Ваньку не трожьте, я за него пойду!» И сгинул где-то на Севере. Помню разговоры, что наш кумзерский поп сдал на хранение Ивану Киселеву какие-то ценности, а когда через несколько лет вернулся за ними, услышал от Ивана: «Ничего ты мне не оставлял!»

Много лет спустя Фёдор Иванович Киселев нашел у себя в доме тарелку с серебряными полтинниками, сдал государству как клад, и получил 60 рублей.

В Кумзере сначала было организовано 11 колхозов. Кроме ферм было три овцефермы на 50—70 голов, две свинофермы на 50 голов. Только в нашей Семеновской было 14 коней. Сейчас на все Кумзеро – один конь, в деревне Бильской...

Помню, что в 1940 г. в нашей деревне Семеновской в 32-х домах насчитывалось 124 человека. В Ворсенской, есть у меня такие данные, перед войной жили 46 человек, в Марковской – 69, в Лаврихе – 65, в Пошивчихе – 108, в Оденневской – 157 человек.

В Великую Отечественную из нашей деревни погибли четыре человека: Александр Николаевич Бухманов, Александр Васильевич Гусев (с 1922 года рождения, летчик), Вячеслав Михайлович Гусев и Александр Григорьевич Киселев.

Ветфельдшером в Кумзере я стал в 1956 году, обслуживал 15 деревень (Ракула и Хряски).

В 15 деревнях, которые я обслуживал, в конце 50-х годов

было 220 личных коров. Фермы были в деревнях: Павшиха, Семеновская, Оденневская, Пошивчиха, Дор, Балуковская, Давыдовская, Глазиха. В 1957 году построили ферму в Пашинской на 100 коров. Всего на моем участке на фермах было около 400 коров.

В Шабзере было 16 деревень, в конце 50-х годов там насчитывалось 1542 человека, было 5 ферм. Еще фермы были в деревнях Горка, Шукинская, Назариха, Воронино, Лысовская, Ерофеевская, Павшиха. Всего в Кумзере к началу 60-х годов было около трех тысяч коров. Раньше, по нормам, хозяйственное пользование коровы было – 15 лет, сейчас – всего 5 лет.

Едем как-то с бабушкой в поезде в город, ей скучно без разговоров, ничего не стоит спросить у попутчиц, куда едешь, да к кому, да много ли детей, даже – как зовут. И говорит смешно, одно цоканье, с непривычки и не понять. Ей ведь не сказать, например, «печка» – «пецька», и все тут, вместо «цыплята» скажет «чиплята», «цигун» вместо «чугун». Какая-то тетка толстая, городская, и спрашивает ее: «А вы, бабушка, какой нации будете?» – «Я-то, матушка, русская, а ты какой? Слушала тебя, да все слова непонятные, как радио говоришь».

Иные бабушкины слова без перевода не каждый и поймет: трунье – всякое барахло, висок – тряпочка, иминье – то, что в сундуке, омег – горечь, басота – красота. Или: кошшонка,

зобенька, пальтушка, станушка. Это, впрочем, должно быть понятно и без перевода.

Татьяна Баранова:

«Мой прадед – Гусев Петр Максимович (годы жизни, приблизительно, с 1870-го – начало 1920-х г.). Он был славянской внешности, светловолосый и ясноглазый. Предки его, возможно, из бурлаков. Родился и жил в деревне Семёновской. В памяти тех, кто его знал, остался, как мастеровой. Трудился с утра до ночи. В браке был с Анной Писонтьевной Потёмкиной.

Семья прадеда жила крепко, вели свое хозяйство. Зимой Петр Максимович плотничал, выезжал на строительство в разные города России. Слава о кумзерских плотниках шла по всей губернии. Кумзёра слыли мастеровыми плотниками и кузнецами, строили прочно, на века, углы изб рубили «в лапу».

Односельчане называли Петра – «Петруша», а детей, ласково – «петрушатами».

Была у него сестра – Людмиша, жила в деревне Жуковской.

Мой прапрадед – Потёмкин Писон (годы жизни, приблизительно, 60-80-е 18-го века). Он жил в деревне Цариха. Одна из его дочерей – моя прабабушка Анна Писонтьевна (родилась в 1865-м, умерла в 1943-м г.)

Анна Писонтьевна была глубоко верующей, набожной, за-

нималась домашним хозяйством, воспитывала детей. С глубоким почитанием относилась к мужу и семье. Не принимала революционных перемен, боялась разрушения церквей, отказа от веры, коллективизации и вступления в колхоз.

В их семье рождено 18 детей. Калиста Петровна была старшей из детей, (замужем за Доруничевым Александром Степановичем.) Дети Калисты: Валентина (по мужу Ухова), родилась в 1923-м году, прожила до 84 лет. Ее дети: Ухова Нина, Люба, Рита (проживают в Соколе). Виринея Доруничева (Виря) 20 августа 1926 года рождения, прожила до 84 лет, замужем не была. Работала в совхозе, жила в деревне Терениха, затем переехала в Сокол; Александра (по мужу – Евданова) с 1932 года, прожила 78 лет. Александр Петрович Гусев; Николай Петрович Гусев (мой дед); Людмила Петровна; Михаил Петрович; Лидия (по мужу Проничева); проживала в Риге. Ее дети: Михаил, Волька, Африкан, Гранислава. У Грани дети: Ирина и Сергей – двойняшки, живут в Риге. Еще две дочери Петра Максимовича – Александра и Мария – двойняшки. Александра – небольшого роста, стройная, светловолосая, белолицая, с веснушками; по характеру тихая, добрая и очень верующая. Ее сестра Мария жила в Угличе. Александра была венчана с кузнецом Александром Киселевым. Еще одна дочь – Людмила Петровна – «Людмиха» – была очень добрая и кроткая, в 1960-х годах жила в Соколе, в доме брата Гусева Н. П., моего деда на ул. Тимирязева в Соколе. У Людмилы был сын. Людмиха

умерла скоропостижно, тихо, присев у печки погреть ноги. Покойтся на Сокольском городском кладбище, место захоронения точно не определено.

Михаил Петрович Гусев – проживал в Ленинграде. В детстве однажды вёз меня из Ленинграда в Сокол поездом, был очень заботлив и добр ко мне.

Об остальных 11 детях Гусевых Петра Максимовича и Анны Писонтьевны информации нет.

В тридцатые годы семья была раскулачена и разорена.

Мой дед Гусев Николай Петрович (18.11.1892 г. – 1.05.1969 г.) родился также в деревне Семеновской. Он был крепкий, жилистый, невысокого роста, со светлыми глазами и русыми вьющимися волосами. Талантливый, трудолюбивый мастеровой, знал плотницкое и столярное ремесла. По характеру гордый, свободолюбивый, несгибаемый под ударами судьбы, настоящий хозяин, верил только в собственные силы.

От своих предков Гусев Николай Петрович впитал осознание семьи, как породы, часто говаривал: «Наша порода!» За жизнь для своей семьи и родных построил дома: родительский дом – деревня Семеновская; свой дом – деревня Семеновская; дом для сестры Марии Петровны – город Углич; дом для сестры жены, божатки Екатерины в деревне Оденневской, дом для семьи – город Сокол Вологодской обл. в 1951 году. Был обвенчан с Басковой Евфалией Васильев-ной, вместе прожили 25 лет, в семье рождены восемь детей,

выжили пятеро детей: Екатерина; Августа; Лидия; Вера, Валерий (Волька).

Семья, испокон века жившая своим трудом, пережила драматизм гражданской войны и коллективизации. Семью, которую кормили земельный надел и работа, раскулачили, отняли скот, вывезли все «добро», даже самовар и детские полушубки. Мать деда Анна Писоновна боялась вступления в колхоз. Николай Петрович, оставив свой дом, поехал с семьей в никуда, в Вологду. Семья бедствовала, голодала, скиталась, а дед работал плотником. Любил он не свободу, а волю, и не прогнулся под коллективизацией.

На долю наших дедов и прадедов пришлись первая мировая война, революция, коллективизация, Великая Отечественная. Во время войны деда призвали на фронт на хозработы. По состоянию здоровья старшина Гусев вернулся домой. Единственный костюм деда обменяли на хлеб. Он из-за этого бранился, всегда носил только гимнастерку и военные сапоги.

В 1946 году дед овдовел, остались пятеро детей и внук, рожденный от «врага народа».

В возрасте 59 лет мой дед Гусев Николай Петрович в беспросветной «нужде», начал в городе Соколе строительство своего последнего дома. Застолбил участок неплодородной земли и, утопая солдатскими сапогами в глине, из этой же земли и глины, строил. Уже к осени 1952 года он «подвел» стены дома под крышу на улице Нечаевская, ныне – Тимирязевская.

зева, дом 5. Стены выложил из кирпича-сырца, каждый кирпич набивал в форму вручную, затем кладку связывал (толщина стен была около метра). Подсмеивался сосед Суздальцев: «Что, Гусев, весной унесет твои стены с талым снегом?» А дед строил, дом обшил деревом, крышу покрыл дранкой, рубанком и калевочкой сделал все столярные изделия: рамы, двери и мебель для дома. И под окнами посадил сад.

Дом стоит более 60-ти лет, осел, и окна теперь опустились низко-низко. Из-за отсутствия фундамента грунтовые воды напитывают стены, и дом равномерно садится. По этому проекту построены ещё три дома соседей, в которых выросли дети и внуки Кураповых, Челпановых, Беляевых. Подобных домов в Соколе не встречается.

Дед был однолюбом. Овдовев, он заново выстроил дом, «свил родовое гнездо», один «поднимал» детей, внука.

Дед Николай Петрович был человеком творческим и самобытным, владел строительными и столярными ремеслами, разработал огород, посадил деревья, держал корову и куриц. Хорошо играл на гармошке «балаговка», для внука Юрия продал единственного теленка и купил баян. Его внук, Юрий Владимирович Гусев, прекрасно играл на баяне, исключительно по слуху.

По воспоминаниям моей мамы, я была слабым ребёнком. В два года, когда врачи от меня отказались, дед «выходил» меня, лечил русской печкой и водкой. Затем его сестра Людмила «нянчила», а дед постоянно давал мне ложку водки

и называл «Родное сердце».

Дед был немногословен, с пенсии покупал «чекушку» и пел песню, в которой были слова: «Умер бедняга в военной больнице, долго родимый страдал...»

В доме деда висели иконы Николая Чудотворца и Казанской Божьей Матери. Он не признавал коммунистов, его позиция была проста: «Трепачи, они и есть – трепачи!» Икону Казанской Божьей Матери мама благословила своему крестному Олегу Ульянову, племяннику, а образ Николая Чудотворца и сейчас в маминой квартире.

Дедов дом... Он никогда не был тесен, этот дом. Перелистывая старую домовую книгу, вижу, как приезжие родственники всегда находили приют в гостеприимном и скромном доме.

Самовар... Появился в нашем доме, когда я была еще ребенком. Все праздники мы отмечали рядом с этим самоваром. Почему-то чай из него всегда казался каким-то особенным. И потом в семье жила хорошая традиция – каждый праздник и приезд гостей отмечать с пирогами и самоваром. Кипятка хватало всем, и наливался он в чашку медленно, в этом было что-то особенное и доброе. Сейчас этот самовар радует гостей в нашем загородном доме под Гатчиной.

Сквозь годы понимаю драматизм судьбы деда Гусева, но ничто не сломило его волю и гордость за «нашу породу».

Горжусь и я своим дедом, горжусь уважением к семейным традициям. От предков в нас – ощущение красоты и гармо-

нии. В самых запущенных местах мы ремонтируем, чистим, строим, высаживаем цветники, наводим уют, чтобы «душа обрадела» среди красоты и порядка.

Екатерина Николаевна Гусева – старшая дочь в семье деда Гусева Николая Петровича. Красивая, стройная, черноволосая и черноглазая. После болезни и ухода матери на её плечи легли заботы о младших. По характеру – требовательная и строгая. В 1940 году репрессирована по статье 58, «враг народа» и сослана в Сибирь, город Ялуторовск. В 1945 году она возвращается в Сокол с маленьким сыном Юрием. В её судьбе была и любовь, святая и грешная. Только грехи те кровью и жизнями окуплены, тихими слезами горьких, многолетних воспоминаний омыты... (Отец Юрия, Владимир, погиб в штрафном подразделении, не дождавшись его рождения). В свидетельстве о рождении в строке «отец» – прочерк.

Работала Екатерина бухгалтером в совхозе «Новое», затем под Вологдой. Одевалась модно и красиво, носила золотые часики и украшения. В ее квартирах всегда была красивая мебель, посуда, телевизор. Везде – порядок, чистота и уют. При переезде в Вологду Юра жил в нашей семье и заканчивал школу, он очень любил нас. Остался без матери в 20 лет.

Приезжал к нам из Вологды на каждые выходные, часто с друзьями. Женился на Людмиле. Юра много работал, построил дачу, гараж, квартиру, купил машину. Он любил ры-

балку, охоту, лес. Юра ушел из жизни в возрасте 53 лет. В браке рождены двое детей: Анна и Сергей, проживают в Вологде. У Анечки двое деток: Катя и Ярослав. У Сергея сын Артем.

Лидия Николаевна Гусева (по мужу Кокова) ... В ее семье было пятеро детей. Война принесла большое горе всей семье и большое счастье и чудо, что все дети выжили в это трудное время. Лидия – всегда красивая, улыбчивая, с вьющимися волосами, светлыми и радостными глазами, была похожа на артистку, любили её ребята, а особенно какой-то рыжий....

В тылу девчонки работали на всю страну, на Победу. Лидия в свои 16 лет работала наравне со взрослыми, голодала и недосыпала. Весной, когда надо было картошку сажать, на семена её нет, купить – денег нет. Дохода никакого. Только если менять на вещи. С приходом весны в поле собирали мерзлую картошку и раннюю крапиву, дикий чеснок, летом – грибы и ягоды. Еще дрова привозили из леса, чтобы протопить печи в бараке, где ютилась семья.

Лидия удачно вышла замуж, за Александра Кокова, переехала в Ленинград, никогда с ним не расставались. Лидия Николаевна прожила с надежным мужем, материально крепко, всегда модно одевалась и приезжала в гости с подарками. В семье родились две дочери: Любовь и Вера. У Любы два сына: Владислав и Александр, внук у Александра. У Веры сын Денис. Все они очень любят деревню и каждый год при-

езжают в деревню Горка. Там они купили деревенский дом-
пятистенник и огородами.

Мой прапрадед Басков Матвей Григорьевич (по линии бабушки Басковой Евфалии Васильевны, жены деда Гусева Николая Петровича) – отличался красотой и талантом, был обвенчан с Екатериной Кузьминичной из деревни Оденневской. Их дети: Николай (революционер); Василий (крестьянин-середняк, отличный плотник и столяр).

Мой прадед Басков Василий Матвеевич (по материнской линии) был обвенчан с Елизаветой Андреевной (1867—1954 г.г.) Их дети: сын Николай Васильевич (В 1914 году эмигрировал во Францию, в Россию не вернулся. Жена – Матильда, дочь – Элис); дочери Александра, Евфалия (моя бабушка по линии матери, жила 1900—1946 г.г.); Екатерина (божатка); Надежда (Вологодская). И еще один сын – Андрей Васильевич (1907—1943 г.г.)

Баскова Екатерина Васильевна (1902- 17.01.1995 г.г.) проживала в деревне Оденневской, была замужем за Михаилом Флегонтовым. Детей не было. Солдатская вдова, в послевоенные голодные годы кормила племянников сестер: Надежды и Евфалии (Веру – мою мать, Николая и Рема Ивановича Басковых-вологодских).

Баскова Надежда Васильевна (по мужу Касаткина, 1910 – 2002 г.) ...Надежду замуж выдали 16-ти лет на хутор, 7 км от Оденневской. Муж – Иван Алексеевич Касаткин, свекор – Зиня. Надежда с мужем уехали в Вологду. Муж ее до вой-

ны в период раскулачивания отказался от родителей. Не вернулся и к жене после окончания войны, оставив ее одну с двумя сыновьями. Надежда их воспитала: Николай Иванович Касаткин – директор вологодского стадиона «Динамо»; Рем Иванович Касаткин 1930 года рождения – подполковник авиации, служил в г. Шауляе, после развала СССР с женой Людмилой переехали под Вологду в академгородок Молочное.

Надежда Васильевна Баскова была ослепительной красоты, высокая и статная, тонкого природного ума и такта. Очень юморная. Работала администратором ресторана «Вологда», часто закладывала в ломбард свою шубу и муфту. Имела непререкаемый авторитет у вологодского криминала в послевоенные годы. Надежда Васильевна даже в преклонном возрасте была красива, ухожена, аккуратна, стройна, занималась физкультурой. Сохраняла ясность ума. Была прекрасным собеседником и очень деликатным дипломатичным человеком. Прожила 92 года, похоронена на вологодском кладбище.

Сегодня семьи её внуков Касаткиных проживают в Вологде.

Басков Андрей Васильевич (1907—1943 г.). Погиб в Великую Отечественную войну. Был женат на Груде. Его – шурина, очень любил мой дед Гусев Николай Петрович.

Моя прабабушка по материнской линии Елизавета Андреевна (по мужу Баскова), (1867—1954 г.г.) Звали ее свои –

Лисонька, была обвенчана с Василием Матвеевичем Басковым. Она из богатой купеческой семьи, была очень красива и хороша собой, хозяйка, отлично плела кружева, её изделия продавались только на заказ, многие из них-за границу. Семья жила крепко, «зажиточно», в хозяйстве было четыре коровы, лошади. По преданию, семейные накопления и даже золотые монеты до сих пор спрятаны в колодце.

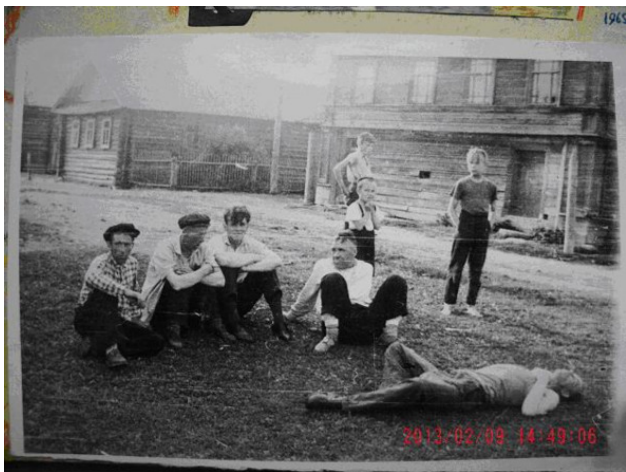
Моя бабушка (мамина мама) – Баскова Евфалия Васильевна (по мужу Гусева) (1900—1946 г.г.). Из зажиточной семьи Басковых. Высокая, стройная, с темными волосами и карими глазами. Красоты была необыкновенной. По характеру была очень кроткая, в работе трудолюбивая и очень аккуратная – рукодельная. Вручную шила одежду, обувь, ткала полотно, половики. Слыла лучшей кружевницей в округе.

В 1921 году в возрасте 20 лет Баскова Евфалия вышла замуж за моего деда Гусева Николая Петровича, который был старше её на 9 лет. В браке родила восемь детей. Выжил пятеро. После раскулачивания семья оставила своё родовое гнездо в Семёновской и поехала скитаться. Предположительно: Вологда, Яминово, Сокол... Семья жила бедно, дед плотничал. Во время войны семья голодала, ели крапиву, мороженую картошку, проживали в хозпостройках, предназначавшихся для домашнего скота в Смирновском двухэтажном доме по ул. Нечаевской в г. Сокол. Евфалия работала ночным сторожем в магазине, с детьми готовила для продажи пучки дикого чеснока, веники и соль, (которую раскаты-

вали бутылками), а младшие дети продавали на берегу в Соколе. Дрова заготавливали в лесу, возили на санках, чтобы топить печь. В военные годы в семью подселили после госпиталя офицера, и Евфалия перешла с детьми в более холодное и очень сырое нежилое помещение. Семья бедствовала и переживала арест старшей дочери Екатерины по ст. 58. Дочь Августа была на фронте. Работала только шестнадцатилетняя дочь Лидия, на Сокольском целлюлозно-бумажном комбинате, подростком выполняла тяжелую мужскую работу. Вера училась в школе, а младший брат Валерий постоянно плакал от голода. Из-за постоянного голода, скитаний, нужды и переживаний моя бабушка Гусева Евфалия Васильевна рано умерла в возрасте 45 лет».

Анна Писонтъевна Гусева-Потѣмкина.

Мужики деревни Оденневской

Эта, в самом кратком виде – история всего лишь одной кумзерской семьи. Подобных историй – сотни...

Казалось бы, странная и нетипичная для Кумзера фамилия – Потёмкины... Неужели каким-то образом связаны со светлейшим князем Григорием Потёмкиным? А ведь вполне и возможно. Оказывается, после очередного нашествия поляков и запорожских казаков гетмана Сагайдачного на Москву в 1618 году тогдашний государь Михаил Фёдорович дал в вотчину землю 1500 наиболее отличившимся защитникам столицы. Есть в этом списке и дьяк Аптекарского приказа Вьялица Кузьмич Потёмкин, он получил землю у деревень Цариха и Горка в Кумзере. В те времена он

был известным медиком, имел свой каменный дом в Москве. Сейчас уже невозможно ни проследить, ни понять – каким образом потомки дьяка Вьялицы Потёмкина стали обыкновенными крестьянами. Не исключено, что не семейная легенда, а факт, что один из кумзерских Потёмкиных, дед Писона, служил денщиком у самого светлейшего князя в Крыму не только потому, что был его однофамильцем, но и какой-то дальней роднёй. Как они, по дорогам того времени, добирались на телегах или в санях из Кумзера до Москвы, в Крым – представить сейчас трудно.

Связь с внешним миром «в прежнее время» была все же не хуже, чем сейчас, исключая, конечно, телефон и почту. Дороги, во всяком случае, были не хуже (у нас между деревнями асфальта нет и сейчас). Когда-то через нашу деревню была хорошая дорога в Раменье, соседнюю волость. Даже, дед помнил, губернатор раз проезжал по каким-то своим делам. Сейчас же – настолько она заросла, что современный губернатор не проедет и на вездеходе, да с тех пор и не слышали, чтобы кто-то из больших властей мимо проезжал.

Дороги в Кумзере, как писал в «Призыве» директор совхоза Шаров в конце 70-х, самые плохие в районе. Добираться, особенно в 50-70-е от станции Харовской до Кумзера, а это 50 километров, было настоящей мукой. Едешь в отпуск и не знаешь, ходят ли автобусы. Устанешь за эти два-три часа, пока трясет в автобусе, больше чем за сутки в поезде. Всегда на станции, если встретишь земляка, то первым

делом спросишь: «Как дорога?» Как-то мой друг и ровесник Серёга Савенков ответил с гордостью о нашей дороге: «Хоть яйцо кати!» Да уж, яйцо, разве что, от динозавра каменное докатили бы, но уж не от курицы. Так тряхнет, бывало, на ямах, что то головой об потолок автобуса, то язык прикусишь. Больного или беременную довезти до райцентра было проблемой. Не как родит, беспокоились, а как доедет до роддома, не случилось бы по дороге.

Когда ездили на лошадях, то эти 50 километров проезжали за двое суток. И что летом, что зимой все равно тяжело добираться.

Хорошо помню, как я лет пяти с отцом зимой ехал в де-

ревню на санях. Встречал нас на станции его брат Сергей. Со встречи они, конечно, выпили крепко, в дороге оба заснули и на каком-то ухабе дядька Сергей вывалился из саней. Отец храпит, шапку потерял, а я и плачу, что страшно, и дядьку жалко, сижу, в его шубу закутанный. По сторонам лес дремучий, мороз, стемнело быстро, а лошадь так и бежит себе, и из-под ног у нее летят мне в лицо кусочки снега и почему-то они мне запомнились красными, как будто с кровью. Дядька тогда полежал на дороге, очнулся и догнал нас в Кумзере. Хорошо еще, что лошадь умная была, не встала, когда он выпал, а бежала, иначе бы зачоченели бы мы тогда с отцом. Если бы волки не съели. Досталось им тогда обоим от бабушки, доехали, можно сказать, ее молитвами. Она ведь всегда – кто в дорогу, или едет к ней, написали, обязательно помолится, и всегда все доезжали живыми, частенько на «автопилоте».

Случалось, что надо нас встретить, а и лошади нет. Было мне, наверное, с полгода, мать ехала со мной из Архангельска домой, в самую распутицу, весной. Встречали ее на станции Вирия, дядя мой по отцу, и тётка, материна сестра Лина. Машины не ездили, так и шли пешком все 50 км., а я на руки ни к кому не шел, как тётка Лина ни приманивала: «Валеричек, ангели, я тебе преничка суропного дам» (какие там мне, беззубому, пряники), повис на матери, так и несла одна всю дорогу.

В последние годы дорога стала получше, даже асфальт

от станции проложили километров 15, но чем ближе к Кумзеру, тем медленнее идет автобус, и шофера не любят к нам ездить, устанешь за эти два часа больше, чем за день на асфальте. Сколько же загублено техники на этой дороге, сколько моторов износилось раньше времени, уж не говоря о нервах...

С одной стороны плохая дорога и к лучшему: меньше туристов – чище природа. Но с другой – дорога эта едва ли не главная причина, что так обезлюдело Кумзеро за последние 40 лет.

На ферме в Павших висит плакат, кто-то написал на нем: «В 1908 году в Кумзере жило 4950 человек. В 1985 году – 560». Летом 1997 года было 430 постоянных жителей. За почти 100 лет население уменьшилось в 10 раз. Понятно, что война особенно подкосила деревню, все же только из Кумзера с войны не вернулись около пятисот мужиков, целый батальон, а пришли домой всего человек триста. Но ведь в первые послевоенные годы народу было еще много, не меньше, чем до революции, и не столько война, сколько 50-60-е годы уменьшили население. Тогда уезжали даже те, кто и ехать-то не хотел. Прав был герой Федора Абрамова: «Война да горлопаны подкосили деревню».

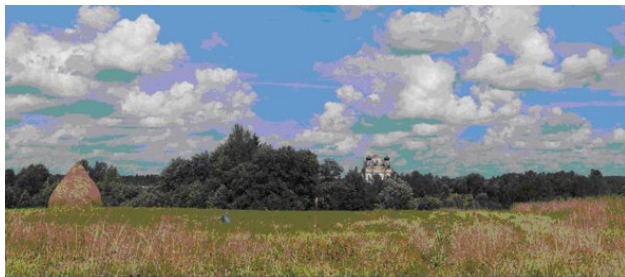
**Вид из деревни Семёновской на Кумзерское озеро.
1965 год.**

Едва ли не половина всех кумзёр только в Северодвинске живет. Вообще, оттуда уезжали, как правило, на север, а не к Черному морю. Значит, не климат же повыгонял людей со своей родины, и не к теплу стремились, а так же – работать. Уехали, а летом все равно приезжают, тут уж Кумзеро оживает. Едут пенсионеры с внуками, отпускники, даже с Украины, те немногие, кто там оказался. Некоторые рискуют и на своих машинах добираться, только после этого ее сразу хоть в капиталку. Сосед наш, Валера Перов, как-то приехал на своем «Москвиче», да так он теперь и стоит здесь, никак в город не переправит, разве что трактором та-

щить, так это лучше сразу в металлолом.

Зато уж как появится с пригорка церковь наша, а видно ее километров за пять, да озеро, мой Байкал, то даром и плохая дорога, теперь дома.

Церковь у нас стоит так, что видно ее почти из всех деревень. Из нашего окна, бывало, бабушка в кухне как сядет квашню на пироги творить, так не один раз на нее поглядит: «Ой ты, матушка...». Семь километров напрямую – и видно хорошо. В ясную погоду вечером церковь вообще, как на открытке – стоит над лесами, белая, как свечечка.

Дед говорил, что таких в стране есть еще только одна – в Питере. Называется она у нас – церковь святого Флора и Лавра. Хороша издали, вблизи – мощь, что удивляешься, как же ее такую здесь поставили, в медвежьем-то углу. Построили ее в 1857 году, еще до отмены крепостного права. Внутри же церковь – глаза бы не глядели, сердце кровью обливается. Мало того, что какая-то умная голова еще

в колхозное время поставила здесь сушильный агрегат, местные «иконописцы» наоставляли своих автографов. Скучно автобус ждать, а тут церковь рядом, вот и идут, не столько на лики святых полюбоваться, сколько свои дурацкие автографы оставить. «Лёша Груздев» – нацарапано крупно поперек Христа. И везде – «Саша», «Коля», «Серёга». На полу – обломки, куски досок, мусор.

Эх, посмотрели бы наши прадеды на своих горе-правнуков, как они их труд ценят... У нас дед хотя и неверующий был, но штаны спустил бы такому «художнику».

Церковь в те годы была не только важнейшим общественным местом, но и крупным хозяйством. В мае 2018 года мне довелось поработать с документами в Вологодском областном архиве, выписал много интересного...

Документы:

Из Клировой ведомости Флоро-Лаврской церкви Вологодской епархии за 1916 г.

«По штату: 2 священника, диакон и 2 псаломщика. Жалованья на всех из казны получали 931 рублей в год.

Доходов за 1916 год получено 1250 рублей.

Арендной платы за торговое помещение с крестьянина Михаила Горского получено 60 рублей в год.

Во время Крещенской славы зернового хлеба собрано на 25 рублей, в день святой Пасхи печеного хлеба собрано на 30 рублей.

Земли при церкви состоит: усадебной вместе с погостом 7 десятин, пахотной – 46 десятин 408 квадратных сажен, под Кумзерским озером – 9 десятин. Всего: 83 десятины 908 квадратных сажен.

Качество церковной земли – среднее.

Средний доход земля приносит: 20 рублей. По случаю дороговизны обработки притч пользовался частью земли.

В разные годы собственные здания: 3 деревянных дома, каменная сторожка, амбар, три ряда лавок, ряды лавок для ярмарочной и торговой потребностей. В пользу церкви поступило от торговли 340 рублей.

У священника Иоанна Образцова, диакона Павла Баженова, псаломщиков Владимира Прилежаева и Михаила Сергиевского дома свои, а священник Николай Попов живет в казенном доме.

Опись церковного имущества заведена в 1857 году, хранится в целости, проверена в 1860 году. Описи с метрических книг хранятся в целости с 1780 года.

В церковной библиотеке 225 томов. Церковные деньги в целости за ключом сторожа и печатью церковной. Недвижимая сумма состоит в кредитном учреждении, 2434 рубля 73 копейки, а билеты хранятся в целости и хранятся в церковном казначеихе.

Имеющихся в приходе школ – 2-классная церковно-приходская и 4 земских.

В церковно-приходской (отпускается на содержание 141

рубль 50 копеек и Кадниковское отделение отпустило 1020 рублей) в сем году обучается 76 мальчиков и 27 девочек.

Староста при церкви крестьянин Николай Кузнецов, с 5 декабря 1916 года. Преосвященный в последний раз посетил приход в 1905 году».

Каким было состояние образования в Кумзере накануне революции...

Документы:

Сведения о начальной школе в приходе Кумзерской Фроло-Лаврской церкви на 1916 г.

Численность населения в приходе: мужчин – 2340 душ, женщин – 2501. Итого 4841.

Число детей школьного возраста (от 8 лет) – 237 мальчиков, 312 девочек, всего – 609.

Двухклассная ЦПШ открыта в 1908 г. Окончили курс в предшествующем учебном году – 16 мальчиков и 3 девочки. Состоят в школе с 1.1. 1917 г. 76 мальчиков и 27 девочек. ЦПШ содержится на средства Кадниковской уездной управы и церкви.

Земских школ – 4, содержатся на средства земской управы. Окончили 25 мальчиков и 6 девочек, состоят в школах – 125 мальчиков и 58 девочек.

Учителя 2-классной ЦПШ: учительница Александра Пет-

ровна Попова. Дочь диакона, 38 лет. Состоит 18 лет учительницей. В сей школе 6 лет. Девица.

Учитель Александр Аполлонович Филичевский. Сын крестьянина, 26 лет. Окончил 2-классную ЦПШ. Имеет свидетельство на звание учителя начальных народных училищ, аттестат на звание регента, учительствует 9 лет. В сей школе 4 года. Женат.

1-я Кумзерская земская школа. Учительница Анна Леонидовна Павлова. Дочь вологодского мещанина, работает 4 года, год – здесь. Девица.

2-я Кумзерская земская школа. Учительница София Филикисимовна Кораблева. 30 лет. Жена учителя сей школы Афанасия Кораблева. Взята на военную службу. Окончила епархиальное женское училище. Учителем состоит 7 лет, в сей школе 2 года.

3-я школа. Людмила Иоанновна Воскресенская. 19 лет. Дочь священника, 3 года работает. Девица. Окончила епархиальное женское училище.

4-я школа. Александра Павловна Попова. Дочь псаломщика, 18 лет. Окончила епархиальное женское училище. Работает год. Девица.

Есть в церковных документах и сведения о священниках в Кумзере по состоянию на 1916 год. Так о священнике Николае Попове написано:

«...36 лет, родился 13 декабря 1880 года. Имеет меда-

ли: в память 25-летия существования церковно-приходских школ и в память 300-летия царствования Дома Романовых. Из казны получает содержание 294 рублей, из церковной кружки за молебствия и поминовения – 165 рублей 60 копеек, за молебствия по приходу и другие требы – 201 рубль 60 копеек. Итого – 684 рубля 86 копеек.

Окончил полный курс Вологодской духовной семинарии в 1903 году, работал учителем в 3-классном Ембовском земском училище. 19 мая 1905 года рукоположен в священники.

С 1 сентября 1905 г. состоял заведующим и законоучителем во Флоро-Лаврской ЦПШ, до 10 июня 1916 года. В 1916 году с 10 июня перешел на священническую вакансию в сей Кумзерской Флоро-Лаврской церкви, по прошению законоучительствует в 2-классной ЦПШ с 8 сентября 1916 г.

Жена священника Николая – Павла Алексеева, с 1884 года рождения, их дети: Александр 1906 года рождения, учится в ЦПШ, Лидия – 1907 года рождения, учится, Алексей – 1909 года рождения.

Священник Иоанн Образцов – родился 8 октября 1890 года. Получает от казны 294 рублей в год, плюс из церковной братской кружки 165 рублей 60 копеек, процент от вкладов – 15 рублей 66 копеек. За молебствия по приходу и другие требы – 27 рублей 20 копеек. Итого – 725 рублей 46 копеек. Окончил курс Вологодской духовной семинарии в 1916 г. Состоял псаломщиком. В августе 1916 года рукоположен

в священники в сей Кумзерской Флоро-Лаврской церкви, законоучительствует в 1-м Кумзерском земском училище и 3-классном училище. Жена – Надежда, с 1988 года рождения.

Диакон – Павел Аполлинарьевич Баженов. Родился в 1874 году, из казны получает 47 рублей в год, процент капитала от вклада – 10 рублей 45 копеек, из церковной братской кружки – 10 рублей 40 копеек, за молебствия и другие требы по приходу – 139 рублей 40 копеек. Итого – 419 рублей 45 копеек. Кончил курс Вологодского духовного училища, поступил в псаломщики. В этой церкви с 1910 года, с 7-го января».

Есть в церковных документах и такая строчка о нем: «Под судом не был, взысканиям не подвергался, за штатом не был, без места не был». Чем-то напоминает партийную характеристику времен КПСС...

«Жена его – Людмила Евгеньевна, 41 год. Дети: Александра, 1899 года рождения, учится в 6-классном епархиальном училище, Аполлинарий – 1901 года рождения, учится в 4-классном духовном училище. Николай – 1902 года рождения, Константин, Иларья с 1906 года, Евгений – с 1908 г, Юлия – с 1911, Сергей – с 1915 года. В семье 8 детей!

Псаломщик Владимир Васильевич Прилежаев, 1892 года рождения. Из казны получает 98 рубля, с капитала проценты – 23 рубля, из церковной братской кружки – 55 рублей 20 копеек. За молебствия и другие требы по приходу – 67 рублей 20 копеек. Итого: 23 рубля 63 копейки. Плюс со-

стоит учителем пения в 1-м и 3-классных земских училищах. В семье жена Елисавета Петровна с 1891 года рождения и сын Василий 1914 года рождения.

Исполняющий должность псаломщика – Михаил Александрович Сергиевский, 1898 года рождения. Из казны получает 28 рублей в год, процент с капитала – 5 рублей 23 копейки. Из церковной братской кружки – 55 рублей 90 копеек. За молебствия и другие требы по приходу – 12 рублей 90 копеек, от земли – 5 рублей. Итого: 241 рубль 83 копейки в год.

Служил псаломщиком по окончании 2-классного Тотемского духовного училища. Жена Юлия Николаевна, 1892 года рождения. Сын Сергей 1915 года рождения. В отлучке, на военной службе.

Заштатные и сиротствующие: священник Павел Михайлович Левитский, 62 лет. В 1887 г награжден набедренником, в 1897 г – скуфвею, 1 марта 1908 года – орденом Святой Анны 3-й степени, и 4 сентября 1913 года – камилавкою. За штат уволен с 8 января 1896 г, к сей церкви – с 1890 г. Тесть священника И. Образцова. Жена – Елисавета Ионовна, 1859 года рождения. Их сын Владимир, 1891 года рождения, учится в Варшавском ветеринарном институте (в Новочеркасске) на средства отца.

Бывшего сей церкви священника Стефана Писарева дочь, девица, Лариса Стефанова Писарева, 52 лет. Отец состоял священником при сей церкви с 1877-го по 1894 год.

После умершего сей церкви псаломщика Ириней Воробьева, сын Александр 24 года, уволен из 3-го класса Вологодского духовного училища, состоит на военной службе. Отец его состоял псаломщиком при сей церкви с 1884 по 1894 год. В отлучке.

Просфорная сей церкви псаломщика вдова Глафира Кафинская, 53 лет, на должности состоит с 7 июня 1908 года и проживает в церковном доме, получает от церкви 50 рублей в год и от приходского хлебного сбора на 50 рублей.

После умершего сей церкви псаломщика Павла Алаева сын Николай, 20 лет, проживает при матери, состоящей в замужестве за крестьянином (и получает пособие от местного попечительства 10 рублей в год). В отлучке. Отец состоял псаломщиком при сей церкви с 1884-го по 1897 год».

Приходов в Кумзерской волости было два. По части священника Николая Попова:

- в селе Кумзеро: дворов – 4, мужчин – 11, женщин – 8.
- Деревня Максимовская – 27 дворов, 65 мужчин, 80 женщин. (Далее цифры – соответственно – дворов, мужчин и женщин. Данные на 1916 год.)
- Ворсенская – 8 – 20 – 19
- Марковская – 11 – 33 – 39
- Трушовская – 18 – 43 – 40
- Павшиха – 25 – 58 – 58
- Дуровская – 26 – 42 – 70

- Киевская – 22 – 59 – 56
- Глазиха – 24 – 58 – 70
- Вичаги – 15 – 40 – 38
- Крюковская – 12 – 33 – 30
- Терениха – 19 – 53 – 55
- Жуковская – 12 – 38 – 43
- Опуринская – 20 – 45 – 50
- Захаровская – 18 – 56 – 56
- Лопатино – 6 – 20 – 15
- Тимошинская – 14 – 39 – 38
- Пашинская – 24 – 62 – 60
- Пожарище – 20 – 56 – 70
- Бильская – 15 – 55 – 68
- Сиренская – 10 – 39 – 46
- Устрешная – 12 – 50 – 53
- Цариха – 22 – 83 – 70
- Давыдовская – 12 – 31 – 40
- Анфалиха – 16 – 43 – 41

Итого в приходе: дворов – 412 (в том числе духовенства – 4, дворян – 4, мещан – 4, крестьян – 403). Мужчин – 1162 (в том числе духовенства – 11, дворян – 4, мещан – 9, крестьян – 1138). Женщин – 1213. (В том числе духовенства – 8, дворян – 7, мещан – 7, крестьян – 1191)

По части священника Иоанна Образцова:

В селе Кумзеро – 2 двора, 5 мужчин, 3 женщины

Деревни:

- Ивашево – 14 дворов, 40 мужчин, 36 женщин.
- Анфалиха – 18 – 30 – 40
- Гришино – 12 – 30 – 45
- Княжая – 24 – 50 – 51
- Стрекачиха – 7 – 6 – 15
- Б. Слобода – 16 – 40 – 43
- М. Слобода – 14- 30 – 43
- Лапшиха – 18 – 40 – 46
- Кондратиха – 8 – 18 – 20
- Горка – 24 – 54 – 55
- Мартыниха – 18 – 30 – 40
- Щукинская – 20 – 60 – 60
- Назариха – 26 – 80 – 85
- Угол – 17 – 40 – 50
- Воронино – 14 – 46 – 51
- Даниловская – 8 – 16 – 20
- Ерофеевская – 17 – 50 – 46
- Лысовская – 15 – 30 – 46
- Лавриха -12 – 33 – 38
- Семеновская – 18 – 66 – 63
- Иванково – 9 – 10 – 15
- Пошивчиха – 17 – 45 – 50
- Оденневская – 27 – 73 – 77
- Пашинская – 8 – 25 – 26
- Андрюковская – 7 – 15 – 18
- Балуковская – 28 – 90 – 86
- Давыдовская – 22 – 50 – 56
- Голячиха – 10 – 26 – 25

– Дор – 14 – 40 – 40

Итого: 462 двора (в том числе духовенства – 2, дворян – 7, мещан – 1, крестьян – 452).

Мужчин – 1178 (том числе духовенства – 5, дворян – 19, мещан – 3, крестьян – 1151). Женщин – 1288 (в том числе духовенства – 9, дворян – 16, мещан – 4, крестьян – 1265).

Была у Флоро-Лаврской церкви и своя бухгалтерия. Считали – до копеечки... В Вологодском областном архиве хранится «Ведомость о приходе-расходе и остатке денежных средств»:

«От 1915 года итого 29 рублей 57 копеек, билетами – 2.434 рубля.

В 1916 году поступило: кружечного и кошелькового сбора – 625 рублей 50 копеек. Доход от продажи свечей и восковых огарков – 213 рублей 65 копеек, доход от оброчных статей – 772 рубля 23 копейки, пожертвования на общие потребности храма – 683 рубля 29 копеек. Разные мелочные и случайные доходы – 150 рубля.

Вечных вкладов капиталов причта – 102 рубля 55 копеек. Итого в приходе: 3373 рубля 77 копеек, в билетах – 150 рублей.

Всего с остатком – 3403 рубля 34 копейки, билетов – 2584 рубля 73 копейки.

Расход:

На покупку свечей – 596 рублей 20 копеек, на содержание и ремонт церкви – 441 рубль 42 копейки. На жалованье

сторожам – 480 рублей, на ремонт ризницы и церковной утвари – 99 рублей 55 копеек, на покупку красного вина, муки для просфиры, приобретение просфир – 206 рублей 85 копеек, на пополнение церковной библиотеки и выписку журналов – 15 рублей, на нужды ЦПШ – 141.50, другие мелочные и случайные потребности – 918 рублей 28 копеек. Отчислено процента сбора взамен свечного дохода – 171 рубль 96 копеек, на содержание местных духовных учебных заведений – 131 рубль 96 копеек.

Итого в расходе: 3392 рубля 57 копеек. К 1 января 1917 года в остатке 3403 рубля 34 копейки, плюс билетами 2584 рубля 73 копейки».

Ведомость о бывших и не бывших на исповеди и у святого причастия в 1916 году по приходу Кумзерской Флоро-Лаврской церкви

Мужчин женщин не были итого прихожан муж. жен.

Духовного ведомства 11 10 5 1 16 11

Военных 410 500 59 41 542 542

Статских 20 16 1 2 29 18

Купцов и мещан 11 17 1 12 17

Крестьян 1368 1777 139 134 6 2 (по нерадению)
1746 1913

Итого: 2340 мужчин, 2501 женщина, всего 4841.

«Военные» в этом списке – военнообязанные и их семьи. Стоит отметить, что не приходивших на исповедь в 1916-

м было немного. В 1917 году таких стало гораздо больше.

«Исповедальная ведомость за 1917 год»

Не были на исповеди.

Духовенство: 9 мужчин, 7 женщин.

Военные: 200 мужчин, женщин – 244

Статские – 4 – 2

Мещане – 7 – 14

Крестьяне – 535 мужчин, женщин – 854. Не были на исповеди: 184 – 179 – 319 – 32

Итого: 755 – 1121

А всего: 1258 мужчин и 1332 женщин, итого – 2590. (Это, наверное, общее количество населения в этом приходе Кумзера в 1917 году)

Еще одна «Исповедальная ведомость Кумзерской Флоро-Лаврской церкви Кадниковского уезда за 1917 г».

– Почетные граждане. Вдова Александра Павловна Черникова, 64 года. 5 детей.

– Мещане. Дер. Захаровская. Вдова Проничева Павла, дочь Калифения Автоновна Проничева, 42 года. Дочь Параскева.

– Дер. Глазиха. Ольга Васильевна Стратоникова, 70 лет. 5 детей. Дети Евфалия, Калифения.

– Военные и их домашние. Деревня Максимовская. Василий Иванович Румянцев, 74 года. Лонгин Федорович Вере-

щажин, 70 лет. Жена Елизавета, дети Василий, Екатерина, Федор, Александр.

– Дер. Киевская. Федор Константинович Шитиков, 48 лет. Жена Дарья. Дети Константин, Дмитрий, Александр. Андрей Стефанович Шитиков, 46 лет. Жена Калифения, дети Стефан, Алексей, Августа.

– Дер. Марковская. Павел Вас Шадронов, 68 лет. Жена Афанасия Сергеевна. Дети Евфалия, Пелагея.

– Дер. Трушовская. Вдова Евдокия Григорьевна Фабрикова, 48 лет.

– Дер. Павшиха. Екатерина Дормидонтовна Спирова, 69 лет. Сын Илья Васильевич Спиров, 25 лет.

– Дер. Дуровская. Вдова Анна Григорьевна Титова, 69 лет. Сыновья Михаил Андреевич, 36 лет. Жена его Анна Васильевна, 29 лет. Дети дочь Анфиса – 8 лет, Александр – 6 лет, Анна – 4 года. Александр Андреевич Титов, 49 лет. Жена Наталья Васильевна, 47 лет. Дети: Павел – 21 (в отлучке 2 года), Федор – 15 лет, Сергей – 9, Андрей – 7, Екатерина – 6, Анна – 2 года.

– Дер. Терениха. Стефан Доруничев, 54 года. 6 детей.

– Дер. Цариха. Михаил Григорьевич Ухов, 39 лет (в отлучке 3 года), жена его Серафима Афанасьевна, 29 лет. Вдова Александра Емельяновна Ухова, 42 года. Зять Александр Мокеевич Потемкин, 42 года. Жена его Мария, 40 лет. Дети: Александра – 18, Августа – 17, Михаил – 16, Анатолий – 13, Авинер – 11, Григорий – 9, Анна – 4 года.

– Военных семей – 114, в них 325 мужчин, 315 женщин.

Крестьяне:

1. Дер. Максимовская. Вдова Анна Косьмина Верещагина, 74 года. Сын Федор Федорович, 50 лет. Дети Хиония, Марина. Евстолия Круглова, 77 лет. Параскева, Ливерий, Сивирьян, Иулия.

2. Дер. Киевская. Матрона Сивирьяновна Шитикова, 63 года. Каллиста, Серафима, Евфимий, Агния.

Шелопины – Арсений Осипович, 29 лет (в отлучке 1 год), Александр Осипович, 41 год.

3. Дер. Марковская. Николай Варфоломеевич Телегин, 61 год. Жена – Евстолия.

4. Дер. Трушовская. Стефан Панфилович Кузнецов, 57 лет.

5. Дер. Павшиха. Федор Александрович Спиров, 34 года. Жена Юлия Ермолаевна, 34 года. Дети – Анна, 14 лет, Александр – 12, Георгий – 4. Пармен Иванович Кичигин, 47 лет.

6. Дер. Дуровская. Девица Параскева Платоновна Петрова, 48 лет. Дмитрий Петрович Платонов, 54 года. Арсений Михайлович Маннов, 36 лет, Илья Михайлович Маннов – 27 лет, Дмитрий Михайлович Маннов – 42 года, Августа Михайловна Маннова – 13 лет.

7. Дер. Терениха. Доруничевы.

8. Дер. Жуковская: Калмыковы, Корпусовы, Шадруновы, Русаковы, Румянцевы.

9. Дер. Захаровская: Проничевы, Гусевы.

Подписал священник Иоанн Попов.

При его приходе 417 дворов, в них 1258 мужчин, 1332 женщин, всего 2590 человек.

В конце ведомости запись: «Раскольников и других сектантов нет, противящихся святой церкви нет, находящихся под укрывательством – нет».

Подписали ведомость так же диакон Павел Баженов, псаломщик Владимир Прилежаев.

Судя по тому, что у некоторых упомянутых приписано «В отлучке», они на исповедь в том году не ходили.

Как проходила исповедь у ребятишек, лучше Василия Белова разве опишешь в его «Плотницких рассказах»:

«Помню, Великим постом привели меня первый раз к попу. На исповедь. Я о ту пору уже в портчонках бегал. Ох, Платонович, эта религия Она, друг мой, еще с того разу нервы мне начала портить. А сколько было других разов. Правда, поп у нас в приходе был хороший, красивый. Матка мне до этого объяснение сделала: Ты, – говорит, – Олешка, слушай, что будут спрашивать, слушай и говори: «Грешен, батюшка!» Я, значит, и предстал в своем детском виде перед попом. Он меня спрашивает: «А что, отрок, как зовут-то тебя? – «Олешка», – говорю. «Раб, – говорит, – Божий, кто тебя так непристойно глаголеть выучил? Не Олешка, бесов-

ского звука слово, а говори: наречен Алексеем» – «Наречен Алексеем». – «Теперь скажи, отрок Алексей, какие ты молитвы знаешь? Я и ляпнул: «Сину да небесину!» – Вижу – поп говорит, – глуп ты, сын мой, яко лесной пень. Хорошо, коли по младости возраста. Я, конечно, молчу, только носом швыркаю. А он мне: «Скажи, чадо, грешил ты перед Богом? Морковку в чужом огороде не дергал ли? Горошку не воро-вывал ли?» – «Нет, батюшка, не дергал». – «И камнями в птичек небесных не палил? – «не палил, батюшка»

Что мне было говорить, ежели я и правда по воробьям не палил и в чужих загородах шастать моды у меня не было.

Ну, а батюшка взял меня за ух, сдавил, как клещами, да и давай вывинчивать ухо. А сам ласково эдак, тихо приговаривает: «Не ври, чадо, перед Господом Богом, бо не простит Господь неправды и тайности, не ври, не ври...»

Я из церкви-то с ревом: ухо как в огне горит, да всего обиднее, что зря. А тут еще матка добавила, схватила ивовый прут, спустила с меня портки и давай стегать. Прямиком на морозе. Стегает да приговаривает: «Говорено было, говори: грешен Говорено было, говори, грешен!»

Не представляю, как ходили, да и ходили ли вообще на исповедь мой прадед-кузнец Фёдор Киселев, и уж тем более его старший сын Иван, красноносый.

Но и работы священникам хватало: столько народушку надо было опросить на исповеди, даже если и не каждый

день, то по несколько десятков душ. В очереди что ли бабы да мужики стояли, чтобы в грехах своих покаяться...

Сейчас же из окна нашего дома церкви не видать – построили на горе зерносушилку, она и заслонила. Как уж бабушка тогда тужила... Да и в церковь, как раз на Троицу, ударила молния, что и купол медный сторел, а самый большой крест в озеро улетел. До конца 60-х годов стояла у церкви и колоколенка, помню еще и звон ее – снесли, как попа не стало. Поп был, да какой-то непутевый, его и старухи называли за глаза не по имени, а Бесшишим. Посадили, что кого-то зарезал по пьянке, нового же не прислали. Что ж тогда с неверующих правнуков спрашивать...

Бабушка была искренне верующая, квашню и то всякий раз перекрестит, худых слов никогда не говорила. Если и надо ей деда обругать, так скажет лишь: «Ну тебя к этому!». «Этот» у нее означал черта, дьявола, сатану, водяного. Даже слов «к лешему тебя!», обычных у местных баб, и то никогда от нее не слышал. И встанет с молитвой, и печь затопит с молитвой, и спать нас маленьких уложит – всегда перекрестит. Только и помню сейчас: «Андели господне, свичушко светлое, спи со Христом...». Сейчас иная мать-атеистка своему младенцу скажет: «Спи, гад, пока не врезала...».

Во всех углах дома были иконы, это сейчас отец снял, а то какая-нибудь старуха в избу войдет – всегда на передний угол сначала взглянет да перекрестится. Сколько у бабушки слез было, как отец начнет иконы снимать – каждое

лето, как же, коммунист. Один раз он из переднего угла начал было снимать, да так руку об стекло рассадил, что крови было, как из барана. Как ей было после этого не уверять, что это господь-бог наказал его.

Молитвы все знала до самой смерти. Мы поражались – слово в слово. Есть у нас такой ежегодник церковный, специально проверяли. Внуков забыла, как зовут, все же девятый десяток, меня так как и не назовет – Виря, Серёжа, Вовик, всех переберёт, Невестку старшую забыла, как зовут – жила у нас последние полгода перед смертью, так как-то спросила меня тихонько: «Батюшко, а какая это баба-то толстая все по избе ходит?» – «Да что ты, бабушка, это же мать наша, Зоя...» – «Повно ты-ы, да Зоя не такая и была...».

Весь мир у бабушки за деревней был для нее ЗаХаровской (райцентр у нас Харовск). Спросишь, где была, зная, что летала в Сибирь к младшему сыну – «Да в ЗаХаровской, в большом доме». Последние полгода жизни, забыла – какой, сейчас и год, не помнила месяцев, так тосковала по деревне, что то и дело просила: «Отведи ты меня, андели, домой». – «Да что ты, бабушка, это же на поезде ехать», – «Да хоть в какую сторону идти – покажи, я дойду». До того дотосковала, что пришлось отцу ехать с ней в апреле, в самую распутицу. Сама дошла пешком восемь километров до деревни, и успокоилась: «Теперь можно и помирать, в своем доме, слава тебе, господи» Недолго и пожила дома. Лежат теперь вместе, на год всего и пережила своего старика. Умирала ба-

бушка тяжело, мучилась, а вот дед – легко, не болел. Выпил после бани лишнюю стопку, с головой стало плохо – и все, теперь уж действительно «все хорошо, все в порядке».

Из дневника отца за 1986 год:

«...В 12 часов дня 27 мая Зоя приехала. Я только хотел сходить в Кумзеро, но пошел дождик и я, уже собравшись идти, разделся и лег отдохнуть. И вдруг кто-то стучится. Оказалась Зоя. Приехали они вместе с Харовской, все вместе, три сестры – Зоя, Лина и Галина. А также Василий Кузьмин и Димка (Лины внук). Мать была ещё в сознании. Она узнала Зою в лицо и шепотом сказала: «Ну, слава Богу, дождалась, приехала». И ровно через сутки, в 12:10 28 мая мать скончалась на глазах у Зои. Я был дома, но, плохо спавший ночь, прилёг отдохнуть, немного вздремнул. Как умерла мать – я не видел.

Сразу пошёл позвонил в медпункт, позвал тётю Нину из Дуровской. Затем пошел в Кумзеро, подал телеграммы братьям Сергею, Вире, ребятам, и Вере в Сокол. Выписал в сельсовете 10 бутылок вина. Пришёл домой, а мать уже лежит на диванчике, омыта и одета. Обмывали тётя Нина, Евстолия, помогали две Зои – моя и Фёдора. Сходил в Оденевскую, в магазин. Водки не оказалось, то пришлось взять то, что было, т.е. 10 бутылок яблочной наливки и 5 бутылок сухого.

Гроб делали А. П. Перов, Фёдор и Вася Титов. Я 29-го ре-

шил все вопросы, т.е. взял медицинское заключение о смерти матери и выписал в сельсовете свидетельство о смерти. 29-го на похороны приехали Сергей, Ия и Саша (привёз Володя), а также Вирия из Сокола. Вирия из Красноярска, конечно, не приехал и телеграммы не прислал.

Могилу копали Фёдор, Василий Кузьмин и Вася Титов. Сделали всё хорошо, и похороны, и поминки. Провожали все семёновские женщины, приходили и с других деревень – Дуровской, Павшихи, Оденневской. День был тёплый, солнечный. Похоронил мать рядом с отцом. Так закончила жизненный путь моя мать Киселёва Александра Петровна. Прожила она 82 года и 43 дня. Сейчас, как мы с ней приехали в деревню, прожила полтора месяца. Она каждый день в последние дни, как подойду к ней, то и говорит, смотря на меня: «Андели ты мой, свичушка ты мой, красное моё солнышко». После смерти матери постоянно ощущаю, чувствую, что-то чего-то как будто не хватает. И образ всё время стоит в глазах».

Первое лето мне не верилось, что их нет. Как это – дедова кровать, а его на ней нет и никогда не будет, не услышишь его утром в воскресенье: «Поддай-ка ковшик... Да давай и второй», по утрам не услышишь бабушкиного кряхтения у печи. Не едать больше ее рогатушек и блинов, а уж на блины она была мастерица, таких теперь не поесть. Даже правнука, моего сына, так приучила, что первым блиношником в семье стал.

В гостях у деда с бабушкой. 1960 год.

Прожили они жизнь по нынешним временам долгую. Даже, как это иногда чувствовалось – устали они жить: год за годом, одно и то же – печь, чай, пироги, окошко, изредка баня, слабость. Дед так последние лет десять говорил перед расставанием на зиму: «Остатний год живу...». Заплачет... Дожили до правнуков, чем дед был очень доволен. Интересно все же, когда за столом сидят четыре поколения мужиков – один от одного. Правнука дед любил как-то особенно сдержанно, да он и так то никому никогда свою любовь не показывал. Скажет только, когда правнук Вадим за обе щеки кашу уплетает свое «угу» довольно, глаза сделаются печальными.

Однажды спокойно так, когда Вадик лазил по нему, взял его в руки, да и брякнул: «А видно не жилец». – «Это почему же?» – испугался я, – «Да грузён больно». Это, наверное, примета была, что тяжелые младенцы не живущие. Но когда

правнук заболел, то испугался дед больше всех. Дело тогда действительно могло окончиться плохо, у Вадика уже и глазки закатывались. Пробежал я в тот день до медпункта восемь километров минут за сорок, и фельдшер, Валя Копосова, успела вовремя, а то и был бы Вадик «не жилец».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.